

та образів у творчості Сологуба. Зокрема, увага приділяється натурфілософській ліриці Сологуба та її зв'язку з поезією Тютчева.

*С.В.Ленская
(Полтава)*

Ф.СОЛОГУБ И Е.ЗАМЯТИН (К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ)

Роман Ф.Сологуба "Мелкий бес" (1907), прочитанный, по словам А.Блока, "всею образованной Россией" [1,с.284], принес писателю европейскую известность и оказал ошутимое влияние на творческое становление ряда писателей - А.Ремизова, М.Булгакова, Е.Замятина. Проблема духовного обнищания общества, художественный анализ истоков глубинной аморальности человека, трагическое осознание абсурдности мира и его враждебности к человеческой личности - эти вопросы, образовавшие ядро этико-философской концепции мира и человека Ф.Сологуба, получили дальнейшее развитие и художественное осмысление в произведениях его младших современников.

Особое место среди них принадлежит Е.Замятину. Писатель с любовью и глубоким уважением относился к творчеству автора "Мелкого беса", что нашло отражение в его статье "Федор Сологуб" (1924).

Вопросы личных взаимоотношений между писателями получили достаточно полное освещение в работе Л.Геллера [2]. Поэтому в рамках данной статьи остановимся на проблеме типологических взаимосвязей романа Ф.Сологуба "Мелкий бес" и произведений Е.Замятина.

Как справедливо отмечает Л.Геллер, "более законно связывать "Уездное" и "Алатырь" с "Мелким бесом", чем с "Городком Окуровым"..." [2, с.107]. На наш взгляд, между "Уездным" (1912) Замятина и вершинным романом Сологуба обнаруживается концептуальная общность: в обоих произведениях перед читателем разворачивается процесс деградации человека, путь антиразвития личности. Idea fixe, владеющая Передоновым в "Мелком бесе", - достигнуто

инспекторского места и тем самым не только утвердить свое "Я", но и получить возможность подавлять других, - приводит его к умопомешательству и кровавому преступлению. Прогрессирование душевной болезни главного героя романа выражается и в динамике его внешнего облика - в превращении "угрюмого" и "сердитого" Ардальона Борисыча в безумного, агрессивного и смертельно испуганного человека. Его двойственное положение - тирана и жертвы абсурдного и жестокого внешнего мира - вызвало оживленные дискуссии как в современной автору критике, так и в критике более поздних лет.

Внешняя звероподобность Анфима Барыбы, главного героя повести Замятина, постепенно перерастает в его глубинную сущность. Нравственная индифферентность Анфима заходит так далеко, что он не только не осознает гнусности своих поступков (он становится сожителем отвратительной, но богатой Чеботарихи, грабит своего друга Евсея, зарабатывает лжесвидетельствами в суде, предает портного Тимошку), но даже не понимает, за что его осуждают и проклинаят отец. Уездное животное существование, как и в "Мелком бесе", изображается автором как норма. В этом состоит главная точка соприкосновения между Сологубом и Замятиным, отражающая концептуальную близость их произведений. Роднит писателей и гротеск как один из принципов типизации: подчеркивается животная внешность Анфима, его квадратные челюсти, способность перемалывать ими камешки на потеху детям, которая впоследствии оборачивается каменным безразличием к человеческим судьбам. Анфим, как каменный жернов, неумолимо раздавливает жизни окружающих его людей. "Да и весь-то Барыба какой-то широкий, громоздкий, громыхающий", - пишет о нем автор в начале повести, - У него "души-то, совести (...) ровно у курицы" [3, с.32-33]. Стремительное продвижение Барыбы в карьере, произошедшее после оговора им друга Тимошки, прямо соотносится с достижением успеха Передоновым в романе "Творимая легенда": после преодоления приступа буйного помешательства и убийства им Володиной Ардальон Борисыч

не только не лишился должности, но превзошел самые смелые свои мечты, став вице-губернатором Скородожа. Таким образом, абсурдность мещанского существования, характеризующегося не просто размытием, но полным снятием нравственных норм, с огромной силой и психологической достоверностью изображенного Сологубом в "Мелком бесу", становится предметом художественного осмысления в "Уездном" Замятина.

Современный автору критик верно выявил главную идею "Уездного", которая относится ко всему замятинскому творчеству: "... громче всего слышится боль за Россию. (...) И со всех страниц произведений Замятина ярко и выпукло проступает недугующий лик нашей родины, - больная запутанность русской "непутевой" души, кошмарная и гибельная беспорядочность нашего бытия, и тут же рядом жажда подвига и страстное искательство правды..." [3, с.9].

Принципиальное различие, на наш взгляд, между "Уездным" и "Мелким бесом" заключено в том, что в первом произведении автор находит человеческие черты не только в жертвах, в "униженных и оскорбленных", но и в угнетателях: тонким лиризмом проникнуты строки о сентиментальной нежности жестокого кучера Урванки к цыплятам. Герои же "Мелкого беса" совершенно лишены положительных качеств.

В повести "Алатырь" (1914) Замятин продолжает исследование темных глубин мещанского сознания. И снова его герои, как и у Сологуба, живут в глухом, Богом забытом углу Российской империи. Сатира Замятина пронизана глубокой, надрывающей душу неизбывной тоской. Один из обозревателей "Нового журнала для всех" писал в 1916 году: "Дикая, разнузданная, с ее нетронутым звериным укладом жизни и беспросветной мглой видится автору уездная Русь". Эти строки прямо перекликаются с автокомментарием к "Мелкому бесу": "Русский быт, далекий от идеалов истины, добра и красоты, впадает в безумие, ужас и хаос, и реальная жизнь на наших глазах претворяется в образы бреда, безобразия, кошмара" [4, с.332].

Как и в вершинном произведении Сологуба, в "Алатыре" существование горожан нелепо и беспросветно:

многочисленны и бесполезны изобретения исправника Ивана Макарыча, как, например, хлеб из голубиного помета; его дочь испепеляют романтические мечты о страстной любви; смешна графомания никчемного Кости Едыткина; абсурдна идея объединения всего мира и спасения человечества при помощи языка эсперанто, насаждаемая князем Вадбольским, почему-то служащим почтмейстером. Даже княгиня, бывшая жена почтмейстера, жила где-то в Сапожке, откуда, по мысли А.Белого, происходят все герои Сологуба. Кроме идейно-концептуальной близости между писателями в обличении бессмысленного прозябания и отсутствия настоящего дела у мещан, составляющих художественные "антимир" Сологуба и Замятина, в "Алатыре" присутствует и травестированная параллель с "Мелким бесом": князь Вадбольский на балу беседует с барышнями об одеколоне, речь идет о цикламене и корилопсисе, от чего девицы приходят в восторг. Князь, по их мнению, "настоящий декадент" [3, с.152]. Если Людмилу в романе Сологуба украшают запахи различных трав и цветов, то в "Алатыре" они выглядят смешно.

Повесть Замятина "На куличках" (1914) литературоведы традиционно сопоставляют с "Поединком" Куприна. Их объединяет и схожая сюжетная канва, и близость тематики - отражение глубокого нравственного кризиса в армии, трагизм самосознания "живого" человека в бездуховном и несправедливом мире. Сходство наблюдается и на образном уровне: в центре замятинского повествования - любовный треугольник, который составляют офицер Шмит, его жена Маруся и случайно попавший в дальний гарнизон поручик Андрей Иванович Половец. Однако, как нам представляется, можно обнаружить некоторые переключки повести Замятина с "Мелким бесом" Сологуба.

С вершинным романом предшественника замятинское произведение сближает трактовка темы духовного захолустья, приводящего морально полноценных героев (Половец, Маруся) к нравственной гибели. Данный процесс мы наблюдаем в "Тяжелых снах" Сологуба, а печальные результаты - в "Мелком бесе". Показывая жестокость офицеров (особенно ярка в отражении слепой бессмысленной

агрессивности сцена избияния Шмитом солдата Муравья). Замятин продолжает, но уже на другом жизненном материале, развитую Сологубом тему деградации человека в условиях казенщины и рутины примитивного прозябания. Передонов издевается над Варварой, учениками, которые при малейшей возможности с наслаждением отомстят ему; тирания же в армии страшна тем, что забитый и бесправный солдат не может защитить себя. Тирания семейная, которая заставляет Марусю жестоко страдать, как оказывается в финале произведения, доставляет ей радость. Смешение нравственных понятий ломает в конце концов чистого и мыслящего человека, каковым является поручик Половец. Если в начале повести Андрей Иванович с ужасом наблюдает "звериный быт" и аморальность окружающего общества, пытается сохранить свою личность и противостоять разлагающему влиянию среды, то в конце он оказывается раздавленным несчастливой любовью к Марусе Шмит и своей косвенной виной в гибели ее мужа. Финальные строки произведения звучат как реквием по напрасно погубленной, омертвевшей душе Половца: "И когда нагрузившийся Молочко брякнул на гитаре "Барыню" /на поминальном-то обеде/ - вдруг замело, завихрило Андрея Ивановича пьяным, пропадающим весельем, тем самым последним весельем, каким нынче веселится загнанная на кулички Русь.

Выскочил Андрей Иваныч на середину, постоял секунду, потер широкий свой лоб - смахнул со лба что-то - и пошел коленца выкидывать, только держись" [3, с.245]. Одобрительные последние слова капитана Нечесы о Половце "ай да наш!" знаменуют собой окончательное превращение главного героя в одного из "мелких бесов" российского захолустья.

В своем вершинном произведении Сологубу удалось в образе главного героя сатирически точно и метко отразить определенный социально-психологический тип. Художественная актуальность сологубовского героя обрела новое звучание в изменившихся общественных условиях после 1917 года. По этому поводу Е.Замятин с горечью писал: "За цветами нужно ухаживать, чтобы они росли; плесень растет повсюду сама. Мещанин - как плесень. Одно мгновение

казалось, что он дотла сожжен революцией, но вот уже снова, он, ухмыляясь, вылезает из-под теплого еще пепла - трусливый, ограниченный, тупой, самоуверенный, всезнающий. И нужно, чтобы над ним снова просвистел бич сатиры, нужен новый "Мелкий бес" [3, т.2, с.257-258].

Пессимистический взгляд Замятина на перспективы духовного преображения человека и нравственное возрождение общества художественно реализовался в антиутопии "Мы" (1920). Таким образом, понимание двойственности человеческой души, постижение ее темного начала, творчески воспринятые Сологубом от Достоевского и отраженные в "Мелком бесе", получили дальнейшее художественное развитие в творчестве Замятина.

Литература

1. Блок А. Письма о поэзии / "Пламенный круг" // Блок А. Собр. соч. В 8 т. - Т.5. - М.; Л.: ГИХЛ, 1962. - С.284-289.
2. Геллер Л. Сологуб и Замятин // Геллер Л. Слово - мера мира. - М.: МИК, 1994. - С.103-113.
3. Замятин Е.И. Избр. произв.: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1990. - Т.1. - 290 с., Т.2. - 365 с.
4. О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. - С.-Пб.: Шиповник, 1911. - С.330-335.
5. Сологуб Ф. Голодный блеск: Избр. проза. - К.: Днепро, 1991. - 509 с.

Анотація

У статті зроблено спробу простежити типологічні зв'язки між романом Ф.Сологуба "Мелкий бес" (1907) і творами Є.Замятіна ("Уездное", "Алатырь", "На куличках") на ідейно-тематичному та образному рівнях.

*А.С. Силаев
(Харьков)*

"ЕДИНСТВЕННО МЫСЛИМАЯ" АГИТАЦИЯ **(К вопросу об идейно-эстетической позиции литературной группы "Серрапионовы братья")**

Жестким постулатам марксистской критики, требовавшей в первую очередь классово-идеологической прикреплённости